

Филатов

Филатов. Но у меня была договоренность об интервью, уверенно открываю дверь.

— Леонид Алексеевич, расскажите о картине, которую вы снимаете. Вы выступаете в ней и как режиссер, и как актер?

— Я и ставлю, и играю, и сценарий мой к тому же. Картина называется "Свобода или смерть". Это трагикомическая история нашего диссидента в закат "брежневской" эпохи. Снимается много наших хороших артистов: Николай Губенко, Лия Ахеджакова, Инна Чурикова.

— Это фильм-пародия?

— Никакого отношения к Брежневу. Вытаскивать из фильма какие-то моралистические выкладки мне не хотелось бы. Это исследование российского типа интеллигенции. Трагикомедия со смертями, слезами — все есть, но при этом — фарс.

— Многие режиссеры считают, что у вас как актера огромный творческий потенциал, но пока до конца не раскрытый.

— Я никак и не могу его раскрыть! У меня были приличные картины, роли, но такой объемной, видимо, не было. Однако я не думаю, что кто-то мог бы похвастаться, что до конца изработался. Можно "завучать", можно запомнить, но сказать, что ты реализовался на 110 процентов, вряд ли кто может.

— У вас много литературных пародий, стихотворений, сценариев, было несколько книжек. Не будь их автором актером, у него возможна была бы собственная литературная судьба?

— Сомневался... Я в детстве писал стихи, стал уже достаточно известен в Ашхабаде, у меня была вполне реализуемая претензия на собственный сборник. Короче говоря, был облакан. И живя в провинции, я продолжал бы, возможно, обольщаться на свой счет, но очень рано попал в Москву, понял, как велик мир и как смешны мои амбиции. Со временем я стал ясней понимать, что мы в стране такой живем — пишущей. Все пишут, другой вопрос — кто стихи, а кто доносы — кому что нравится. Говорить в России "я пишу" — так же, как "я дышу".

Так что, не будь я артистом, вряд ли кто-то предложил бы деньги, чтобы издать мою книжку. Ведь сделать это очень непросто. В январе вышла моя последняя книжка "Сукины дети" — по названию моей же картины. Это театральная, книжная история, где есть и стихи, и пародии, все, так или иначе связанное с Театром на Таганке, с театром вообще и с кино. А название... Фаина Георгиевна Раневская как-то сказала: "Артисты — это дети, но они испорченные дети, они "сукины дети". Артисты экзотичны, у них все немножко картинное, немножко через край. Они всегда нуждаются в аудитории.

— Леонид Алексеевич, скажите, поклонники вас не одолевают, не мучают?

— Сейчас народ так озабочен сам собой, что поклонникам не до тебя. Вот, например, у меня есть автомобиль, но сам я плохо вожу, а жена не всегда может довести меня до театра. Я выхожу ловить машину, долго стою на глазах у развешающихся в собственных автомобилях "поклонников", но никто из них не предлагает: "Может, вас подвезти?" Это обманчивое ощущение, что наши артисты живут, преодолевая поклонников, что они нарасхват. Никто никому сейчас не нужен.

— Неужели так можно сказать и о вас, актере с амплуа "героя-любовника"?

— Ну скажите, разве вот в этом жалком, оцепеневшем существе можно увидеть некоего героя-любовника? Это было сто лет тому назад. Поздно сейчас уже о том амплуа говорить. Конечно, раньше — особенно после первых картин, вокруг меня все время была какая-то девичья шуровня. Но мне всегда казалось, что я существую как бы вразрез с моим имиджем легкомысленного повеса, что я серьезный человек (вот и стихи пишу) и у меня должна быть интеллектуальная аудитория, а не девочки из предместья, пишущие

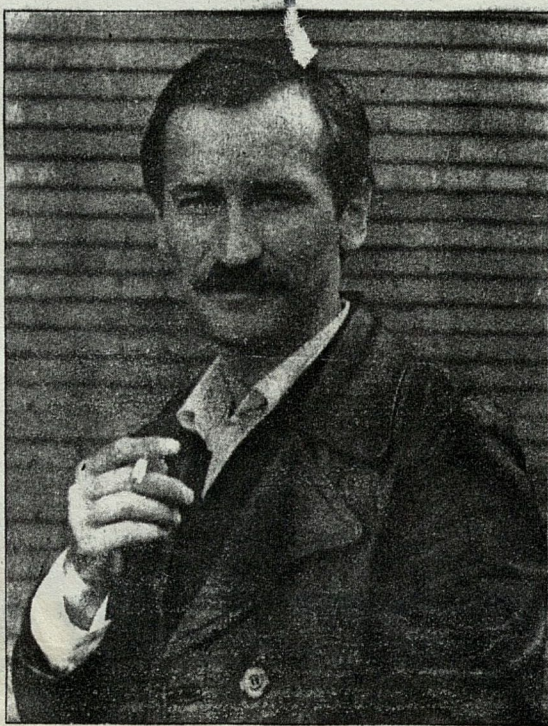
стихи, он к этому всерьез не может относиться. Надо иметь какие-то ресурсы из иронии, понимать, что твой образ — это то, что преподнесли режиссеры. Потому что, честно говоря, с моей внешностью я никогда не ощущал себя "супером". Я знаю, как они выглядят: например, тот же Делон в своем как бы пожилом возрасте... Я даже шутил все время: несчастна та страна, у которой такие герои-любовники. Но с возрастом это как бы прошло благополучно (а у меня уже взрослый сын). И хотя какой-то резерв здоровья есть, я уже стесняюсь такое изображать.

— А как ваш сын к этому относится?

— По-моему, он ко всем моим имиджам относится лояльно. Ему нравится, что меня знают, что я достаточно известен. Так что изображаю ли я голого человека в постели, стреляю ли в кино или еду в автомобиле, он отзы-

— А как ваш сын к этому относится?

— По-моему, он ко всем моим имиджам относится лояльно. Ему нравится, что меня знают, что я достаточно известен. Так что изображаю ли я голого человека в постели, стреляю ли в кино или еду в автомобиле, он отзы-



ва, и будет ли она когда-нибудь нашей, не знаю... Поэтому возникают смешные крайности вроде "Нам не нужно эротическое кино" или "У нас секса нет".

Я сам, когда делаю кино (а у меня и в первой картине невозможно есть "голого", и в этой предполагается), стараюсь преподнести эти сцены обязательно в некоем ироническом контексте. Это многих в зрительном зале освобождал от необходимости стыдливо отводить глаза, от каких-то комплексов, тягостно ощущаю на себе и сам, потому что я тоже дитя этой страны. Эротическое в кино должно быть сделано не грязно — как минимум, сильно "запряжено" в сюжет, чтобы можно было объяснить зрителям: "Это необходимо, по-другому было нельзя". И обязательно должно быть смешно: юмор должен расслаблять людей. Далеко не все умеют делать так, чтобы люди не стеснялись смотреть на экран.

— Вы ощущаете себя звездой?

— Да что вы, господи! Какие звезды? Посмотрите на этот пейзаж! Ходят нищие артисты, не могущие обеспечить себе более-менее сносную жизнь. Мы можем как угодно себя называть, тусуясь на этой территории. Но дальше Бреста таких не то что имен — лиц таких никто не знает. Высокие артисты — Плисецкая, Максимова, Васильев, Ростропович, конечно, известные в Европе и Штатах. А когда кто-то из наших приезжает на серию творческих вечеров или на гастроли в США — это означает, что они тусуются на Брайтон-бич, который к Америке никакого отношения не имеет, а является совершенно автономной очередной НАШЕЙ республикой. Это вообще уникальный прецедент в мире: наши артисты обслуживают собственную аудиторию в эмиграции: в Германии, в Израиле, в Соединенных Штатах, в Австралии, в Канаде — вот это наши точки.

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

очень трудно переносим беспредметные эротические сцены на экране. Нам обязательно нужно их "запрягать" в сюжет, как-то обосновывать.

Хотя, по существу, что такое голый человек? Это данность, это то, что каждый из нас про себя понимает. И мы примерно догадываемся, как люди выглядят под одеждой. Не уподобляясь же героине Ильфа и Петрова, которая заливалась краской даже если перед ней был одетый человек, потому что знала, что под одеждой он все равно голый. Надо все-таки научиться понимать, что есть эротика, что эротическое начало присутствует во всей мировой культуре — живописи, скульптуре... Ренессанс, во всяком случае, весь построен на культуре обнаженного тела. Мы должны просто подтянуться до определенной эстетики, до определенных периодов того или иного народа. Это пока еще не наша эстетика.

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

зале.

Люди ностальгически вспоминают только хорошее, плохого не помнят. Так уж устроены все дети этой страны, что, как только покидают ее, начинают дико по ней тосковать. Что нас и отличает от всех остальных людей планеты. Не случайно ведь в России приличные люди счастливыми никогда не бывают. Мы проливаем слезы над конфликтом в Грузии, потому что это все наше. Все глобально, все космически в России. Не может человек быть счастливым просто в своей семье. Ему для счастья нужно очень много: чтобы нигде не воевали, что детей не убивали и СПИДом не заражали, и чтобы что-то на прилавках было, и чтобы какая-то духовность существовала, чтобы кого-то не обижали, упаси Бог.

То есть, мы слишком особый народ. Причем народ не по крови, а определенным образом замешанный. Что

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

— А вы часто выезжали за рубеж?

память о которых сохраняется через поколения. Скажем, Высоцкий, Шукшин, Борис Андреев, Петр Мартынович Олейников, Марк Бернес.

Но есть артисты, которые светили очень ярко, а смерти их не замечали никто, потому что слава их кончилась еще при жизни. И умирали многие из них страшно. Кто-то в одиночестве и нищете, как Изольда Извицкая, и десять дней никто не вскрывал дверь. Или как Ольга Бган, трагично и рано ушедшая. Артисты их еще помнят, а зрители... У меня так начиналась серия: показываем людям карточки: "Кто это?" — "Не знаю". А показывал я ни больше ни меньше Екатерину Савинову, Михаила Дроздовского, Ольгу Бган, Валентина Зубкова.

— Чего вы в жизни боитесь?

— Всего на свете. Я боюсь, что у меня остановится сердце, что я не сниму картину из-за инфляции или из-за смены правительства, или из-за землетрясения, или из-за того, что меня убьет какой-нибудь сумасшедший у подъезда. Чего угодно!

— Есть ли у вас комплексы?

— По-моему, я ими перенабит, как всякий, к слову сказать, нормальный человек. В России человек-интеллигент всегда должен был сомневаться. А если он без сомнений, т.е. без комплексов, — значит, можно нахамить кому-нибудь или воровать на глазах у нищей страны и не совеститься. Это все называется "без комплексов". Но что за этим стоит? Новый викинг? А по существу — грядущий хам и больше ничего. Тупой, грубый, накачанный, но буд-то бы он — человек будущего. Если у нас впереди это, жить не стоит.

— Разве нельзя быть человеком вежливым и без комплексов?

— Такого почти не бывает. Есть дурные комплексы, с которыми надо бороться, и я о них сейчас не говорю. Но если человек избыточно застенчив, я предпочитаю такого человека, чем человека без комплексов. Застенчивость — хорошее качество. Даже если оно чуть-чуть аномально, это все-таки застенчивость, а не человек с топором.

— Бывает ли у вас свободное время и чему вы его посвящаете? Хотите ли в театр? Что любите читать?

— В театр (не на работу) хожу, к сожалению, очень редко. Я чувствую себя все больше и больше валенком таким, знаете... Оттого что, если у меня выдается свободное время, я дома — или валяюсь, или тупо смотрю в телевизор, ни черта не понимая, что происходит.

Читаю практически очень мало. Только свои сценарные дела, то, что приносят прочитать люди — свои сценарии или стихи. На это уходит бездна времени, я уж теперь даже не отвечаю на письма. Времени крайне мало, и я достаточно сильно устаю, потому что у меня кино, я играю в "Игроках" во МХАТе да еще успеваю немножко сниматься и делать книжку плюс Театр на Таганке, конечно...

— Времени свободного у вас мало, но на какое-то хобби его хватает?

— Какое хобби?! Ну какое? Хобби у меня — курить. Есть анекдот на эту тему, но рассказывать не буду, неприличный.

— Тогда расскажите, о чем мечтаете.

— Какие у меня могут быть мечты? Мечта снять картину, мечта сочинить что-нибудь, мечта что-нибудь еще успеть сыграть, мечта не тратить остаток жизни на бесконечные заработки, когда то, что ты заработал, ты и съел. Мечта, чтобы сын, который учится во ВГИКе, все-таки снял собственную картину, потому что их обучают всему "вприглядку". Мечта, чтобы все близкие мне люди были здоровы.

Года три-четыре назад мы еще все друг другу были нужны. А теперь, когда мы разобщены, — такие гигантские ножницы между реальностью и тем, что мы называем "мечты", что мы должны хоть чуть-чуть усмирнить себя, чтобы оставаться нормальными. В зависимости от мрака и безысходности жизни мечтать надо тоже скромнее.

Валентина КАШЛЯЕВА.